

Почти одновременно въ монастырѣ расширялись и под-
правлялись склады для сельскихъ продуктовъ и поварни, что
было вызвано, очевидно, увеличеніемъ численнаго состава брат-
ства и корпораціи монастырскихъ слугъ и людей ¹⁾. Въ мартѣ
1604 года дѣлали печь въ капустномъ анбарѣ ²⁾. Въ началѣ
XVII в., когда въ монастырѣ проживало до 1000 человекъ,
здѣсь существовало нѣсколько отдѣльныхъ поваренъ со специаль-
нымъ назначеніемъ: поварня естовная, стрѣлецкая, княжая ³⁾,
изъ коихъ нѣкоторыя возникли, вѣроятно къ 1606 году.
Въ мартѣ этого года были приглашены плотники Боровской
волости «крыть двѣ поварни, да избу поваренную, да сушило
на брацкомъ погребѣ» ⁴⁾, а въ іюнѣ плотники крыли погребъ
квасной большой лѣтній, да ледникъ, да рыбные погреба, да пе-
редъ погребами выходы по старому сдѣлали ⁵⁾. Въ 1608 году
въ іюнѣ была выстроена каменная лѣстница и келья служеб-
ная ⁶⁾. Такъ какъ увеличивавшееся братство нуждалось, ко-
нечно, и въ болѣе широкомъ ремесленномъ производствѣ, то
въ 1607 и 1608 годахъ перестраивались и увеличивались по-
стройки на швальнѣ. Въ февралѣ 1607 года крестьянами Ива-
нова Бору былъ срубленъ и привезенъ сюда онбаръ казен-
ный ⁷⁾. Въ мартѣ 1608 года для швальни была срублена и
привезена въ монастырь кожевенная изба ⁸⁾. Въ октябрѣ того
же года на швальнѣ были сдѣланы ворота, у избы лѣстница,
и исправлялись окна и трубы у избъ ⁹⁾. Большинство этихъ
служебныхъ построекъ было разбросано подлѣ наружной ограды
со стороны вологодской и бѣлозерской дорогъ.

Кромѣ храмовъ, келлій и службъ, въ половинѣ XVI вѣка
монастырскій дворъ сталъ покрываться надмогильными памят-
никами. Не смотря на то, что дѣйствовавшій въ древней Руси

¹⁾ Объ этомъ см. въ главѣ III.

²⁾ Рукоп. Кир. б. № 8—608, л. 45 об.

³⁾ Рукоп. Кир. мон. № 56—656.

⁴⁾ Рукоп. Кир. м. № 22—622, л. 3 и об.

⁵⁾ Рукоп. Кир. м. № 22—622, л. 51 об.

⁶⁾ Рукоп. Кир. м. № 29—629, л. 48.

⁷⁾ Рукоп. Кир. м. № 22—622, л. 125.

⁸⁾ Рукоп. Кир. м. № 29—629, л. 30 об.—31.

⁹⁾ Рукоп. Кир. м. № 29—629, л. 65.

(до XIV в.) Студитовъ богослужебный уставъ (въ редакціи патріарха Алексія) воспрещалъ погребать по монастырямъ ¹⁾, не подлежащихъ сомнѣнію, что кладбища въ Кирилловомъ монастырѣ были съ самого начала его существованія. Самъ преподобный Кириллъ былъ погребенъ недалеко отъ церкви Успенія ²⁾. Подлѣ него погребались, вѣроятно, и его ученики и другіе монашествующіе; по крайней мѣрѣ случаи преданія иноковъ землѣ вскорѣ послѣ смерти указываютъ на то, что кладбища не могли отстоять далеко отъ братскихъ келлій. Такъ напр. одинъ старецъ, умершій въ 1526 году 8 іюля съ субботы на недѣлю «въ 3 часа ночи» былъ уже погребенъ «того же дни въ 3 часа дни» ³⁾. Въ XV—XVI вѣкахъ были случаи погребенія и мірянъ въ самомъ монастырѣ. При игуменѣ Трифонѣ здѣсь былъ похороненъ бояринъ Константинъ ⁴⁾, а въ 20-хъ годахъ XVI вѣка — Михайлъ Гнѣвашъ ⁵⁾. Но источники того времени не говорятъ о томъ, чтобы на мѣстѣ погребенія поставлялись памятники въ видѣ камней или намогильныхъ плитъ. Сохранилось лишь извѣстіе о гробницѣ преподобнаго, что въ половинѣ XV столѣтія надъ мощами его была устроена рака, къ которой прикладывались богомольцы ⁶⁾ и которая въ первой четверти XVI вѣка именовалась уже «гробницею» ⁷⁾. Вѣроятно,

¹⁾ Рукоп. Моск. Сянод. Библ. № 330, л. 237 об.

²⁾ *Архим. Варлаамъ*, Опис. истор. археол. древностей Кир. бѣл. монастыря, стр. 5; А. И. т. I № 204, стр. 380.

³⁾ Рукоп. Соф. библ. № 1451, л. 190 об.—Обычай погребать умершихъ на другой день ихъ смерти былъ общераспространеннымъ въ нашихъ сѣверныхъ монастыряхъ. Преп. Корнилій Комельскій, скончавшійся въ пятую недѣлю по пасхѣ (1536 года) во время воскресной заутрени, въ тотъ же воскресный день былъ перенесенъ въ церковь, гдѣ братія совершила воскресную службу. Погребеніе же состоялось на утріе въ понедѣльникъ (Рукоп. Кир. б. № 28—1267, л. 55 и об.).

⁴⁾ Рукоп. Соф. библ. № 1322, л. 80, стб. I.

⁵⁾ „И того жъ году преставись Михайло Гнѣвашъ мѣсяца ноября и положенъ бысть въ монастырѣ въ Кирилловѣ“. (Рукоп. Имп. Публ. Библ. Погод. № 1654, л. 23 и об.).—Предшествующая дата въ этомъ лѣтоисномъ отрывкѣ относится къ 14-му марта 7034 (1526) года. Неизвѣстно, считать ли временемъ смерти Гнѣваша ноябрь 7034-го года, т. е. время предшествовавшее марту 7034-го года, или-же ноябрь 7035 года.

⁶⁾ Рукоп. Соф. библ. № 463, л. 43 об., л. 54 и об.

⁷⁾ Между 1515—1520 годами инокъ Іосифо-Волоколамской обители, во время пребыванія своего въ Кирилловѣ монастырѣ „приде въ гробницу свя-

она была крытою въ видѣ часовни или же находилась, въ паперти, прилежавшей къ Успенской церкви. Еще до 1585 года, когда на гробницѣ свят. Кирилла была построена церковь ¹⁾, на раку его возлагались покровы ²⁾, а Грозный съ 1567 года велѣлъ выдавать въ монастырь ежегодно по два цуда воску для возженія на ней въ теченіе цѣлаго года двухъ свѣчей ³⁾. Но надъ прочими иноческими могилами, не исключая и игуменскихъ, до половины XVI вѣка, повидимому, не воздвигалось никакихъ прочныхъ монументовъ. Господствовавшее тогда въ Кирилловомъ монастырѣ направленіе смотрѣло на нихъ какъ на дѣло людскаго тщеславія ⁴⁾. Поэтому неудивительно, что въ XVII вѣкѣ, когда кирилловская братія пожелала творить память по первомъ преемникѣ св. Кирилла игуменѣ Иннокентіѣ, мѣсто погребенія его не было найдено, и панихиды по немъ совершались братіею не на могилѣ его (какъ это обыкновенно дѣлалось по отношенію къ лицамъ, погребеннымъ въ Кирилловѣ монастырѣ),

таго великаго чудотворца Кирилла, идеже лежитъ честное и святое тѣло его“ (Велик. мн. четвѣ, изд. Арх. Комм., сент. 9, стб. 496).

¹⁾ Рукон. Кир. библ. № 256—513, л. 205.

²⁾ Такъ покровы были даны на гробъ чудотворца Кирилла въ 1554/5 (7067) году княземъ Василюемъ Ивановичемъ Репнинимъ (Рукон. Кир. библ. № 78—1317, л. 232 об.) и при игуменѣ Варлаамѣ Петромъ и Михаиломъ Головинимъ (тамъ же, л. 86) и т. п.

³⁾ Рукон. Акад. библ., № А II—47, л. 254 и об.—Въ 1568 году на той же гробницѣ былъ „оловяничекъ“ (кружка), въ который богомольцы опускали жертвуемыя деньги. Въ приходной книгѣ Кириллова монастыря 1568 года (іюнь) записано, что казначей „у чудотворцова гробу изъ гробницы изъ оловяничка вынялъ 2 рубля 20 алтынъ съ алтыномъ; на чудотворцову память на Кирилову зъ гробу снялъ прикладныхъ денегъ 13 рубл. 25 алтынъ полъ 3 денги“ (Рукон. Кир. мон. № 1; см. также № 8 и друг.).—Гробница преп. Кирилла была устроена, вѣроятно, въ половинѣ XVI вѣка, когда „Иванъ Хабаровъ“ на раку чудотворца Кирилла далъ 1000 рублей (Рукон. Кир. библ. № 78—1317, л. 47).

⁴⁾ Вотъ что писалъ преп. Нилъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: „Повергните тѣло мое въ пустыни, да изъѣдятъ е звѣрие и птица; понеже согрѣшило есть къ Богу много и недостойно погребенія. Мнѣ потщаніе, елико по силѣ моей (т. е., моимъ стараніемъ по возможности было),—чтобы быхъ не сподобленъ чести и славы вѣка сего никоторна, яко же въ житіи семъ, тако и по смерти“ (*Архангельскій, Нилъ Сорскій и Вассіанъ Патрикѣевъ, ихъ литер. труды и идеи въ древн. Руси, ч. I, СПб. 1882, стр. 43—44.—Исторія росс. іерархін, V, стр. 224, 225 и друг.*).

а въ церкви ¹⁾. Тѣмъ менѣе существуетъ возможности опредѣлить съ точностью число иноковъ, погребенныхъ въ Кирилловѣ отъ начала обительнаго до 30 годовъ XVI вѣка и прослѣдить постепенное расширеніе мѣста ихъ погребенія въ тотъ же періодъ. Монастырскіе синодики позволяютъ лишь составить общее представленіе о томъ и другомъ по числу иноковъ, умиравшихъ въ Кирилловомъ монастырѣ въ разные сроки. Со времени его основанія (1397 г.) до 8 ноября 1427 года здѣсь умерли около 71 человекъ ²⁾. Отъ ноября 1427 года по 10 декабря 1497 года—285 человекъ ³⁾. Отъ 10 декабря 1497 года по 30 декабря 1526 года—244 человекъ ⁴⁾. Всего въ продолженіи 100 лѣтъ (со времени смерти игумена Иннокентія до конца 1526 года) умерли 529 иноковъ (а вмѣстѣ со скончавшимися при жизни преподобнаго Кирилла—до 600 монашествовавшихъ).

Другой видъ приняли монастырскія кладбища съ 30-хъ годовъ XVI вѣка. Число погребенной братіи на этихъ кладбищахъ въ теченіи слѣдующаго столѣтія увеличилось едва-ли не вдвое. Съ 30 декабря 1526 года по 7 марта 1555 года въ Кирилловомъ монастырѣ умерло около 316 человекъ ⁵⁾. Съ 7 марта 1555 года по 1572 годъ—около 476 человекъ ⁶⁾. Съ

¹⁾ Сравни. Рукоп. Кир. библ. № 85—1323, л. 3 (время написанія рукописи 2-ая половина XVII столѣтія)—и *Сахарова*, Кормовая книга, е. et l. с. стр. 60—61. (Книга эта составлена въ 1625—1630 годахъ).

²⁾ Рукоп. Кир. библ. № 759—1016, л. 59; Рукоп. Кир. библ. № 754—1011, л. 9—10 об.—71-мъ въ Кирилловѣ монастырѣ умеръ игуменъ Иннокентій. (О времени его смерти: сравни. Рукоп. Кир. библ. № 85—1323, л. 3; Рук. Соф. библ. № 1322, л. 78; Рук. Соф. б. № 1418 л. 10; Рук. Соф. б. № 1166 л. 154 и друг. списки настоятелей Кириллова монастыря).

³⁾ Рукоп. Кир. библ. № 759—1016, л. 59—62; Рук. К. б. № 754—1011, л. 10 об.—15 об. (см. приложение къ главѣ I). 285-мъ умеръ инокъ Давидъ (о времени его смерти см. Рук. И. П. Б., Погод. № 1554, л. 20).

⁴⁾ Рукоп. Кир. библ., № 759—1016, л. 62—64; Рукоп. Кир. библ. № 754—1011, л. 15 об.—20.—244-мъ умеръ инокъ Гурій Тушинъ.—О времени его смерти см. въ рукописи И. П. Б. Ф., Погод. 1554, л. 23.

⁵⁾ Рук. К. б., № 759—1016, л. 64—67; Рук. К. б. № 754—1011, л. 20—26. 316-мъ умеръ „князь Серапіонъ“ Сицкой; а о времени смерти его извѣстно, что она послѣдовала 7 марта 1554 г. (Рук. Соф. б., № 1152, л. 58).

⁶⁾ Рук. К. б., № 759—1016, л. 67—70. 476-мъ умеръ игуменъ Кириллъ о времени его смерти см. *И. М. Стрѣова*, Списки Іерарховъ, стб. 55).

1572 года по 22 сентября 1623 года—около 809 человек¹⁾. Итого слѣдовательно въ теченіе времени съ 1526 года по 22 сентября 1623 года, т. е. въ теченіе 97 лѣтъ, умерло 1601 человекъ, на 1000 человекъ болѣе, чѣмъ въ продолженіе предшествовавшихъ 130 лѣтъ²⁾. Но кромѣ того послѣ 30-хъ годовъ XVI вѣка сдѣлались болѣе частыми случаи погребенія мирянтъ на монастырскихъ кладбищахъ.

«На горѣ» ихъ стали погребать съ 1534 года, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ слѣдующая приписка на одномъ изъ монастырскихъ синодиковъ XVI вѣка: «Въ лѣто 7000(=7040) священа бысть въ Кирилловѣ церковь Предтечева на горѣ и от того лѣта начали погребати на горѣ мирскую чадь, ис четырехъ болницъ: 3 на горѣ а 4-я въ санной явбѣ; и преже всѣхъ того лѣта постригся на горѣ изъ деревни Васіанъ Помогало дядя Селивану Болоту; преставися и въ скимѣ и погребли его на горѣ; тотъ прежь всѣхъ на горѣ погребся»³⁾. Въ большомъ монастырѣ (т. е. той части Кириллова монастыря, гдѣ была церковь Успенія Пр. Богородицы) миряне погребались уже въ половинѣ XVI вѣка. Тѣло князя Михаила Ивановича Кубенскаго, умершаго въ 15⁴⁹/₅₀ году было положено на правой сторонѣ паперти Успенскаго собора⁴⁾. Въ XVI же вѣкѣ погребались въ монастырѣ Цыплятевы, Шереметевы, князья Кѣмскіе, Палецкіе, князь Елецкой, Воротынскіе, и другіе⁵⁾.

¹⁾ Рук. К. б. № 759—1016, л. 70—76 (между л. 72 и 73 вырваны листы) и Рук. К. б. № 754—1011, л. 38—56.—809-мъ умеръ игумень Савватій. О времени его смерти см. въ Рук. К. б. № 78—1317, л. 342 об.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что жизнь иноковъ на сѣверѣ отличалась иногда замѣчательною продолжительностью. Въ 1613 года декабря 14, когда слуга Кириллова монастыря Федоръ Гавриловъ провѣрялъ межи въ селѣ Кивуѣ, онъ „по кѣльямъ спрашивалъ старцовъ кон жили лѣтъ 100 и болши.“ „Старца опрошали Никиора: сколько ты помнишь про монастырскую вотчину; и Никиоръ старецъ сказалъ: я дѣ помню отъ своего живота 107 лѣтъ и у отцевъ (?) своихъ (?) слышелъ: князь Михаилъ Андрѣевичъ менялъ землями что у нихъ была деревня въ Киснемѣ, и азъ Михаилъ взялъ ту деревню а имъ въ то мѣсто далъ есми деревню въ Кивуицѣ Назаровскую деревню“ (Рукоп. Ав. б. № А 1—16, л. 1038—1039 об.).

³⁾ Рукоп. Кир. библ., № 752—1009, л. 11 и 9.

⁴⁾ Рукоп. Соф. библ., № 1168, л. 260 об.—261. Вивліое., изд. II, ч. XX, стр. 36.

⁵⁾ См. въ приложеніи статьи о мѣстѣ погребенія разныхъ лицъ въ Кирилловѣ монастырѣ).

Могила умершаго въ 161³/₄ (122) казака Ивана Кушникава также находилась въ предѣлахъ кирилловской ограды ¹⁾). Въ мартѣ и апрѣлѣ 1615 года будильникъ старецъ Ефремъ (какъ видно изъ расходныхъ книгъ) панималъ людей конать могилы для «двухъ голышковъ» и «Пятюни Гогары» ²⁾). Быть погребеннымъ здѣсь въ то время считалось честью, а быть можетъ, и дѣломъ душеспасительнымъ. Поэтому богатые вкладчики въ своихъ духовныхъ или данныхъ грамотахъ нерѣдко выговаривали для себя условіе и право имѣть могилу въ «дому Пречистыя Богородицы и чудотворца Кирила» ³⁾). Стоглаву, на которомъ былъ возбужденъ вопросъ, подобаесть ли мірянъ погребать въ монастыряхъ, и который уклонился отъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, оставалось только признать въ одномъ изъ своихъ постановленій повсемѣстность указаннаго обычая и требовать, чтобы мѣста для погребенія не были предметомъ торга, но уступались за добровольные вклады ⁴⁾). И послѣ Стоглава въ Кирилловѣ число погребенныхъ мірянъ стало постепенно возрастать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь вошло въ обычай поставлять на могилахъ надгробные памятники, такъ какъ для родственниковъ умершихъ жела-

¹⁾ Рукоп. Кириллов. библ. № 78—1317, л. 167 об.—Впрочемъ, этотъ случай погребенія казака въ монастырѣ могъ быть дѣломъ необходимости (во время осады монастыря литовцами).

²⁾ См. Рукоп. Кириллов. м. № 54—654, л. 23, л. 24; см. также л. 20 и л. 22 об.—Эти случаи погребенія также были вызваны, очевидно, необходимостью, такъ какъ обыкновенно расходы по погребенію какъ иноковъ, такъ и мірянъ не записывались въ расходныя книги монастыря, и указанные случаи были, следовательно, исключительными.

³⁾ См. Вкладныя и Кормовыя книги Кириллова монастыря.

⁴⁾ На Стоглавомъ соборѣ былъ возбужденъ вопросъ, подобаесть ли мірянъ погребать въ монастыряхъ, а также черницъ въ мужскихъ, а иноковъ въ женскихъ обителяхъ. Отцы собора признали, что божественныя правила не повелѣваютъ въ мужскихъ монастыряхъ погребать женъ и наоборотъ мужчинъ въ женскихъ, но въ то же время они сослались на обычай, въ силу котораго такъ практиковалось не только на Руси, но и въ Іерусалимѣ, Египтѣ, Цареградѣ и другихъ странахъ. Относительно погребенія мірянъ отцы собора уклонились отъ прямого отвѣта (Стоглавъ, М. 1890, стр. 197), но въ другомъ мѣстѣ разрѣшили, повидимому, и это, воспретивъ продавать мѣста для погребенія въ церкви или близъ церкви за опредѣленную плату: „о преставшихся и отъ погребенія или отъ мѣста гдѣ его погresti. ничтожь истевуютъ. ниже ценою мѣста продавати въ церкви или близъ церкви. но иже вдадутъ боголюбцы на память своимъ душамъ“ (Стоглавъ, М. 1890, стр. 219).

тельно было знать мѣсто ихъ погребенія. Съ другой стороны, къ тому же обычаю побуждали и обязательства, даваемые братією, служить панихиды на могилахъ вкладчиковъ. Съ половины XVI вѣка на монастырскомъ дворѣ вслѣдствіе этого и стали умножаться надгробныя плиты въ видѣ «дикихъ камней», «каменей подписанныхъ», «каменей неподписанныхъ»¹⁾ и т. п. Но еще шире раздвинулась площадь мірскихъ могилъ на внутреннемъ кладбищѣ во время осады монастыря литовцами, когда въ силу необходимости приходилось погребать умершихъ защитниковъ въ предѣлахъ огады.

Эта осада (или такъ называемое литовское разореніе) постигла монастырь во второе десятилѣтіе XVII вѣка и отозвалась не только на судьбѣ кирилловскихъ кладбищъ, но остановила и прежній послѣдовательный приростъ хозяйственныхъ строеній вокругъ монастыря, нанесла также ущербъ внутреннимъ зданіямъ, а строительной дѣятельности братіи придала новое направленіе. Такъ какъ съ этого времени начался уже вторичный періодъ въ исторіи внѣшняго монастырскаго устройства, то, чтобы выяснитъ болѣе правильно значеніе указаннаго событія, остановимся нѣсколько подробно на разныхъ перипетіяхъ борьбы кирилловцевъ съ литовско-польскими силами.

Литовское разореніе около Кириллова совпало съ періодомъ междуцарствія и первыми годами правленія Михаила Ѳеодоровича, когда игуменомъ кирилловскимъ былъ Матѳей, горячій патріотъ и благотворитель, хорошій хозяинъ и администраторъ²⁾. Онъ готовился къ оборонѣ уже въ декабрѣ 1608 года, когда производилъ починку оружія. Нѣсколько позже, въ

---

¹⁾ См. статьи о мѣстѣ погребенія разныхъ лицъ въ Кирилловѣ монастырѣ (въ приложеніи къ главѣ I).

²⁾ Такую характеристику можно составить на основаніи прихода-расходныхъ книгъ Кириллова монастыря (см. рукописи Кириллова монастыря) и описокъ, изданныхъ во II томѣ Дополн. къ А. И. См. также описи Кириллова монастыря 1601 и 1621 годовъ.—Отъ воровскихъ людей игумену Матѳею пришлось даже лично потерпѣть въ 1614 (122) году, когда онъ и старецъ Филаретъ Володимерець ѣхали къ Москвѣ „съ чудотворцевою святинею“ (слѣдовательно послѣ 9 іюня). Между Переяславлемъ и Троице-Сергіевою лаврою ихъ настигли воровскіе люди и казаки, „разбили самого“ игумена, слугъ поранили и ограбили (Рукоп. Кир.-б. № 74—1313, л. 635 и об.).